

МАША ТРАУБ

Осторожно – дети!
Инструкция по применению

Маша Трауб

Осторожно – дети!
Инструкция по применению

«ЭКСМО»

2014

Трауб М.

Осторожно – дети! Инструкция по применению / М. Трауб —
«Эксмо», 2014

Я очень люблю постановочные фотографии – где все красивые и улыбаются. Дочка – нежная красавица, сын – серьезный, умный мальчик. Я – такая ласковая мама с добрыми глазами. И только мне известно, что происходит за кадром. Как нежная красавица может заупрямиться и ее с места не сдвинешь. Как сын начнет пробовать себя в риторике, стараясь довести меня до белого каления своими ироничными аргументами. И я – суматошная мать с безумным взором, которая не знает, как воспитывать детей. Эта книга для таких же мам, как я, а также пап, бабушек и дедушек, которые не знают, что делать с детьми.

© Трауб М., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Папина дочка. Как себя вести?	6
Детские игрушки, бытовой травматизм, или Как каждая мать может стать Гудини	9
Что делать, если ребенок разбил ртутный градусник в квартире	12
Когда дом превращается в лазарет. Что делать, если болеют муж и дети	15
Что делать, если сын-подросток требует купить что-нибудь ненужное?	17
Родительское собрание. Как себя вести?	21
Как делать творческие задания для школы? И делать ли их вообще?	24
Помогать или пусть ребенок справляется сам?	
Праздник в школе. Как пережить?	27
Как себя вести, когда у ребенка «фефекты фикции»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маша Трауб

Осторожно – дети!

Инструкция по применению

У меня трое детей. Двоих родила, одного только растила. Старшему сыну Ване уже двадцать семь, из которых шестнадцать он провел рядом со мной. Для меня он по-прежнему – тот самый одиннадцатилетний мальчик, который когда-то сказал своему отцу, чтобы тот на мне женился. Среднему, Васе, скоро будет тринадцать. Подросток в расцвете. Младшей дочери Серафиме – четыре года. Залюбленная, избалованная красавица, позднее папино счастье.

Сразу скажу – я ничего не понимаю в детях. У меня нет психологического или педагогического образования, чтобы в них понимать. Я даже не пыталась разобраться в этих существах, в которых есть мои черты. Я их просто люблю. До безумия, до дрожи в руках и помутнения рассудка. Безоговорочно.

Имею ли я право давать советы? Нет, конечно. Никакого. Всегда ли я поступала так, как надо? Если бы мы, родители, знали, как надо...

Читала ли я книги по детскому воспитанию-питанию-образованию-развитию? Читала. Помогло ли мне это? Ни разу. Ни в одной из ситуаций.

Испытывала ли я комплекс неполноценности как мать? Да каждый день, стоило только выйти из дома. На протяжении вот уже шестнадцати лет. Сначала мне задавали бесконечные вопросы про старшего сына – а почему он с вами, а как вы его приняли, а кем вы ему приходиться, а как согласились? Потом про среднего – почему плохо говорит, почему много говорит, почему ходит в эту школу, а не в другую, почему вы ему это позволяете, почему это не позволяете? Теперь переживаю все проблемы детской песочницы уже с дочкой.

Вот именно поэтому я и хотела написать эту книгу – для тех, кто ничего не понимает в детях и не знает никаких рецептов воспитания. Для тех мам, которые устали от советов и хотят только одного – чтобы дети выросли счастливыми.

В этой книге – истории. Мои, чужие, разные. О детях, о родителях, бабушках, педагогах... Я специально рылась в книгах и в Интернете, собирая советы «профессионалов»: как поступить, как себя вести, как действовать. И сразу же вспоминала, как в этом случае сама вела себя. Конечно же, не так, как положено.

Да, я дурная, заполошная, суматошная, тревожная, непоследовательная, истеричная мамаша. Но за ребенка – любого, и своего, и чужого – я отдам жизнь, сердце, печень, душу, все, что у меня есть. Потому что только ради их счастья живу и дышу. В прямом смысле слова. А еще улыбаюсь. Каждый день.

Папина дочка. Как себя вести?

Принято считать, что все отцы мечтают о сыне – чтобы играть с ним в хоккей, ходить на рыбалку, разговаривать по-мужски... Это миф – отцы мечтают о дочке. «Эта женщина будет любить меня всегда», – сказал мой муж, когда взял дочь на руки.

Психологи в один голос утверждают, что от того, как складываются отношения дочери с отцом, зависит ее будущая личная жизнь. А еще говорят, что дочки больше любят пап, чем мам. Что для них отец важнее матери во всех смыслах – именно с отцами девочки скорее делятся секретами. Что должны делать папы? Каждую минуту, нет, желательно каждую секунду восторгаться дочерью – она самая красивая, самая ласковая, самая-самая. И тогда у девочек будет правильно формироваться самооценка. Папа для девочки – идеал мужчины, и мужа она будет искать, разглядывая в нем черты отца.

Не знаю, правда это или нет. Знаю, что девочки очень тяжело переживают уход отца. И дочка – самый тяжелый якорь, который держит мужчину в семье, даже если он давно собрался уйти. Знаю, что дочки всегда остаются папиными и никогда не бывают мамиными. Даже термина такого нет. Бывают маменькины сынки. И мальчики, да и мужчины действительно более привязаны к матерям, чем к отцам, несмотря на пресловутую рыбалку.

Да, мужчине для полного счастья просто необходима дочь. Это мое твердое убеждение. Дочери удается то, что никогда не удастся жене: научить папу обращаться с женщиной – понимать ее настроение, взгляды, намеки, предугадывать желания и потакать капризам. Потому что если этой девчушке в чем-то откажешь, то она сделает огромные глаза, которые через секунду наполнятся такими горячими слезами, так тяжело вздохнет, что у папы просто остановится сердце, и он побежит, бросится, кинется, достанет луну с неба, лишь бы угодить этой маленькой актрисе, которая, конечно же, немедленно высушит слезы и будет наблюдать за папой, но так, чтобы он не заметил.

Один знакомый папа двух дочек-погодок – пяти и четырех лет – рассказывал, как купил совершенно одинаковых плюшевых собачек, специально проверил, чтобы пятнышки были на одном месте, хвосты одного размера и уши чтобы торчали в одну сторону. Потому что, если хоть что-то не совпадет, дочери закатят истерику, утверждая, что у другой – собачка лучше и плюшевее.

– Ты представляешь, они их различают! По лапе! У одной на лапе пятно на миллиметр больше, чем у другой! Так они еще решили, что одна собака – девочка, а другая – мальчик. И теперь младшая требует, чтобы я тоже купил ей собаку-мальчика, а старшая требует собаку-девочку. Каждый вечер они приносят мне своих собак и показывают различия. И что интересно, жена тоже считает, что собаки разные, только я этого не вижу! Я вижу ужасную китайскую шерсть, которая уже начала вылезать! Зачем я вообще их купил?

Я вырвалась вечером в гости. Прошло десять минут, как я вышла из квартиры. Звонок мужа.

– Где ее очки?

– Какие очки?

– Солнечные!

– Посмотри в ее шкатулке.

– Как она выглядит? И где стоит? – Муж срывался на крик, на заднем фоне уверенным рыданием заливалась дочь.

– Шкатулка – это такая коробка. Там сверху нарисована принцесса и замок.

– Где сверху?

– Так. Просто посади ее на подоконник и объясни, что сейчас ночь и солнышко ушло спать, поэтому солнечные очки ей не нужны.

Звонок через пятнадцать минут.

– Она что-то требует! Я не понимаю! Я все сделал, как ты сказала! Но теперь она опять что-то ищет. И она заплакала, когда сходила в туалет! У нее что-то болит? Она сидит на унитазе и отказывается слезать!

– А кто нажимал кнопку слива?

– Я, конечно.

– Вот поэтому она и плачет. Это она должна была нажать на кнопку. Поэтому она хочет еще раз пописать, чтобы самой нажать. И если она ищет не очки, то точно маску для сна.

– А это что такое?

– Штука такая на резиночках. Ни в коем случае не давай ей синюю, только розовую, с бабочками! Она думает, что это ободок или просто украшение.

Звонок еще через пятнадцать минут.

– Она не хочет ложиться спать в свою кровать! – Муж уже в истерике. – И ты сказала, что в холодильнике стоит гречка. Но там ее нет!

– На второй полке. Стоит прямо перед тобой. Вы ничего не проливали? Не рассыпали?

– Хлопья рассыпали.

– Значит, дай ей ее детскую швабру и совок. Стоят за шкафом. Пусть она ляжет с ними.

Потом уберешь.

– Она не хочет надевать ночную рубашку, которую ты выложила!

– Значит, дай ей пижаму с зайчиками.

– Я дал ей пижаму!

– Какую? С клубничками? Это очень важно. Если она хочет зайчиков, то дай ей с зайчиками.

Но все это покажется ерундой, если послать папу в магазин за детскими сандаличками, плащиком или носочками. Главное – разбирая пакеты, не смотреть на ценники. Потому что папа нашел самый дорогой магазин в огромном торговом центре и купил самые дорогие вещи, которые там были. Первое желание – пойти и все сдать. Но после того, как дочь надевает обновки – совершенно ненужное бальное платье или атласный халатик, причем одно на другое, – и ложится в этом спать, совершенно счастливая и уверенная в своей неотразимости, желание сдавать вещи отпадает само собой. А еще дочь подходит к папе и целует его в щеку. После этого папа становится пластилиновым и готов опять ехать в магазин покупать новые наряды.

Я несколько раз пыталась проделать то же самое – и в щеку целовала, и по дому в новых сапогах ходила, но такого эффекта не добилась ни разу.

При этом дочери, как правило, оказываются точными папиными копиями. Вот моя Сима по утрам ведет себя точно так же, как ее отец. Он двадцать раз должен проверить, взял ли мобильный, ключи от дома, ключи от кабинета, бумажник, зонтик и прочее. Может пару раз вернуться, если что-то все-таки забыл. Сима, уходя на занятия, складывает в рюкзак жизненно необходимые ей в дороге, занимающей десять минут, вещи – одну конфету, две баранки, упаковку бумажных носовых платков, недавно подаренный диск с мультфильмами, плед, который она никак не может поделить с братом, куклу и новые туфли. Если что-то забыто, то Сима аккуратно и методично достает все из рюкзака, проводит ревизию и начинает складывать заново. Столь же методично она раскладывает свои вещи по местам – заколки в шкатулку, джинсы на полку. И тут же забывает, куда что положила. А уж если она решила, что платье – ее любимое, то будет ходить в нем и днем, и ночью. Папа поступает точно так же, затаскивая любимые штаны до пузырей на коленях. И точно как дочь может потерять футболку на специально выделенной полке в шкафу.

Мой знакомый вместо собачек принес дочкам двух совершенно одинаковых кукол, умеющих плакать, писать и ложиться спать. Но его дочери выяснили, что куклы плачут не одновременно, а с интервалом в долю секунды, писают не равным количеством воды и закрывают глаза не синхронно. И теперь ждут от папы новых подарков.

– Они вдвоем обняли меня с двух сторон, поцеловали и тут же начали ругаться, кто больше любит папу. И весь вечер целовали меня, стараясь сделать это в один и тот же момент. Потом обе чуть не подрались в ванной, споря, кого я должен первой доставать и заворачивать в полотенце. И ты знаешь, я наконец понял, что с ними лучше не спорить. Жена говорит, что ей на это понадобилось десять лет совместной жизни, а детям – один вечер.

Я вернулась из гостей. Дочка спала с детской шваброй в обнимку, обмазанная шоколадом. В кровати валялись фантики из-под конфет. Муж тоже сладко спал, держа в руках волшебную палочку принцессы. На голове у него были крылья феи, а на глазах – розовая маска для сна, украшенная бабочками.

Детские игрушки, бытовой травматизм, или Как каждая мать может стать Гудини

Сима играла с воздушным шариком в форме зайца, привязанным к пластмассовой палочке. Родители маленьких детей меня поймут – нужно следить, чтобы ребенок не ткнул этой палкой себе в глаз. Сима совершенно случайно, заигравшись, ткнула – но не себя, а меня. Еще чуть выше и правее – и глаза бы не было. Удар оказался настолько сильным, что под глазом тут же растекся сине-желтый синяк. Скула опухла. Льда в морозилке, конечно же, не оказалось, зато там лежал цыпленок. Когда с работы пришел муж, я сидела на кухне, прижимая к лицу холодную тушку бройлера.

– Все в порядке? – спросил муж.

Он всегда задает самые неожиданные вопросы, на которые я далеко не всегда могу ответить. Если жена, вместо того чтобы жарить курицу, елозит ею по щеке, то совершенно ясно, что не все в порядке!

Весь вечер я народными средствами боролась с гематомой, которая расплзалась все шире, – прикладывала монетку, половину картофеля, мазалась бодягой и даже подумывала пойти поискать в парке подорожник. Ничего не помогало. Сима, чувствуя свою вину, кинулась целоваться, а я была к этому порыву не готова и не закрыла голову руками. Дочь врезалась своим лобиком, хоть и детским, но твердым, прямо мне в переносицу. Я опять пошла за курицей, а Симе выдала замороженный кусок мяса. Она тоже ойкала, рассматривала себя в зеркале и пошла с мясом спать. Я, конечно же, забыла про него, как забываю про игрушки, которые дочь складывает мне в кровать, и до утра ворочаюсь на какой-нибудь бабочке с пластмассовыми крыльями. Мясо, конечно же, растаяло и растеклось лужицей.

– Что-то случилось? – вежливо спросил муж, увидев, как я поздно вечером перестилаю белье и пытаюсь оттереть губкой матрас.

Но ведь совершенно ясно, что да, случилось, а он еще спрашивает!

Мы вышли с дочерью гулять. Меня окликнула женищина.

– Можно вас на минутку?

– Нет, спасибо, я ничего не буду покупать, ни во что не верю, ничего не читаю, – ответила я.

– Девушка, не нужно плакать, вы такая еще молодая, вся жизнь впереди. Главное – решиться. Бросайте все и бегите! – переходя на жаркий шепот, продолжала женищина, держа меня крепко за руку. – Вот, давайте я вам запишу телефон. Это очень хороший кризисный центр для женищин, пострадавших от домашнего насилия.

– Спасибо, – кивнула я.

Женищина меня обняла и пошла своей дорогой.

Ну а о том, как на голову падают санки с верхней полки в коридоре, или о том, что чувствуешь, когда ребенок проезжает тебе по ногам на самокате или велосипеде, а также о том, как застреваешь пальцем в игрушечной детской коляске, да так, что потом слезает ноготь, я даже рассказывать не буду. Хотя нет, расскажу. Однажды, когда я доставала коляску из багажника машины, нечаянно прихлопнула себе палец. Брызнули слезы. Палец тут же надулся и превратился в мультяшный, раздувающийся на глазах. Я отгуляла с коляской, вернулась домой и только на следующий день сдалась врачам. Отделалась сползшим ногтем.

Сима очень любит всякую бытовую технику – у нее есть и игрушечная стиральная машина, и утюг, и миксер. Для полного счастья ей не хватало игрушечной микроволновой

печки. Купила. Печка оказалась почти настоящей, с кнопками, дисплеем и внутри с курицей-гриль, пластмассовой тушкой размером с картофелину.

Предполагается, что курицу нужно класть на тарелку и разогревать. Эта курица, без которой Сима не садится есть, все время куда-то теряется. То мы ее ищем под диваном, то в диване. Один раз я ее случайно выбросила в мусорное ведро, и пришлось перерывать мусор. И как-то я убрала курицу, чтобы не терялась, в ящик с игрушками, в шкаф. Как могло случиться, что курица упала за заднюю стенку шкафа, не знаю. Но шкаф закрыть было невозможно. Сима рыдала, требуя вернуть ей курицу.

Я открыла шкаф и засунула руку, пытаясь нашарить эту тушку в зазоре между стеной и шкафом, и почти ее ухватила. Но курица выскользнула и откатилась в другую сторону.

А дальше началось самое интересное. Я поняла, что не могу вытащить руку. Застряла. Между прочим, очень больно. Мне казалось, при малейшей попытке пошевелить рукой я сломаю ее в двух, а то и трех местах. Дома никого из взрослых не было. Я сидела на полу, левой, свободной от шкафа, рукой я могла дотянуться только до лисички-сестрички из кукольного театра и до игрушки с рыбкой – нажимаешь на кнопку, лепестки-водоросли крутятся, и в середине появляется рыбка. У меня в детстве тоже была такая игрушка, только вместо водорослей был цветок, а внутри – Дюймовочка. И я, чтобы успокоиться, сначала понажимала на кнопку, разглядывая рыбку, а потом нацепила на руку лису. Сима, как ни странно, перестала плакать и включилась в игру. Пока я говорила голосом лисы про то, кто в теремочке живет, Сима завалила меня диванными подушками, строя теремок. Мне было душно, потому что дочь меня замуровала и сверху укрыла пледом, но я терпела и ждала.

– Сима, сколько времени? – спросила я, зная, что дочь мне не ответит.

– Сима, а принеси мне телефон, – сделала я еще одну попытку. Дочь принесла не доеденное в обед пюре и начала меня кормить. Господи, что я даю ребенку!

– Сима, я не хочу больше. – Я повернула голову, но дочь стала запихивать мне в рот ложку насильно. Господи, неужели я так издеваюсь над ребенком?

Оставив меня дожевывать холодное и склизкое пюре, Сима ушла и долго громыкала стулом на кухне. У меня чуть сердце не остановилось – она могла упасть, взять нож, поскользнуться, включить плиту... А я сидела и не могла сдвинуться с места.

Наконец дочь вернулась и, устроившись рядом со мной, высыпала на пол конфеты, которые сгребла из вазочки, стоявшей на второй полке в кухонном шкафу. Улыбаясь и ласково глядя на меня, она поедала одну конфету за другой.

– Сима, дай мне конфетку, – попросила я, но дочь сразу стала строгой и сунула мне в рот еще одну ложку с пюре. Правильно, пока не доешь пюре, конфет не получишь.

В три часа из школы должен был вернуться сын, и я на него очень надеялась. Мне казалось, что двенадцатилетний мальчик уж точно найдет способ вытащить мою руку из шкафа, избавит меня от доедания пюре и вытащит из этого «теремка».

Казалось, прошла вечность, и вот наконец хлопнула входная дверь. Хорошо, что я оставила ее открытой. Сима выбежала встречать брата и на своем детском языке стала восторженно ему объяснять, что курица пропала, мама в домике, а она ест конфеты.

– Привет, Сим! – Вася не особо впечатлился рассказом. Наверное, он просто ничего не понял. И как всегда, прошел в ванную, а потом в свою комнату, закрыв дверь.

– Вася! – закричала я истошно.

Я слышала, как сын вышел из своей комнаты, как прошел на кухню, заглянул в спальню, но меня так и не нашел.

– Мам, ты где? – спросил осторожно он.

– Я здесь, под подушками! – закричала я. – Вытащи меня, пожалуйста!

Вася выгреб меня из «домика» и осмотрел руку.

– Надо маслом полить, – предложил он.

- Нет! Тогда я шкаф не отмою никогда!
- Ну, сиди, раз тебе шкаф дороже руки.
- Васенька, а ты можешь вытащить этот шкаф вместе со мной?
- Могу, но я сломаю или шкаф, или твою руку.
- А что делать?
- Пойду себе пельменей сварю, – ответил сын и ушел на кухню. Сима побежала следом.
- Вася! Вы что там делаете? – крикнула я.
- Отдыхаем!

Он поставил сестре мультфильмы, а сам засел играть на айпэде.

- Вася, неси масло!
- Сейчас, через пять минут!

На кухне раздался звон разбиваемой посуды.

- Что там у вас? – закричала я.
- Крышку от масленки разбили! Не волнуйся, я сейчас подмету! Сима, не трогай осколки!

После этого раздался какой-то всплеск и запахло горелым.

- Вася, что еще?
- Пельмени вылились на плиту! Сима, не трогай, горячо!

И вот что самое удивительное. В этот момент я выдернула руку. Без всякой помощи. И кинулась на кухню, представляя себе ошпаренных и порезанных детей.

– О, мам, ты прямо Гудини, – обрадовался сын, деловито заметая осколки. – А говорят, в стрессовых ситуациях люди теряются.

Сима же побежала в комнату – руку я выдернула, а курицу так и не поймала. Дочь начала изображать трагедию.

Сын деловито достал из шкафа целую сетку с пластмассовыми фруктами и овощами и выдал сестре.

- Иди, грей, – велел он.

И Сима радостно побежала на кухню, где стояла ее игрушечная микроволновка, и еще минут сорок ее не было ни слышно, ни видно. Она засовывала овощи в печку, жала на кнопки и доставала. Сын же спокойно засунул руку в шкаф и достал злополучную курицу.

- Мам, купи ей куклу, что ли. Это безопаснее, – посоветовал он мне.

Что делать, если ребенок разбил ртутный градусник в квартире

Конечно, сохранять спокойствие, собрать шарики ртути. Как? Ни в коем случае тряпкой или пылесосом. В Интернете советуют делать это с помощью обычного медицинского шприца без иголки. Использованный шприц завернуть в полиэтиленовый пакет. Еще можно с помощью кисточки собрать самые крупные шарики ртути в бумажный конвертик, затем втянуть более мелкие шарики в резиновую грушу. Для самых мелких использовать лейкопластырь. Собранную ртуть поместить в банку с раствором перманганата калия и плотно ее закрыть. Поверхность протереть мокрой газетой и обработать раствором марганцовки. Ни в коем случае не выбрасывать ртуть в мусоропровод и не выливать в канализацию, чтобы не подвергать опасности соседей. Собранную ртуть передать сотрудникам Службы спасения, милиции или в штаб Гражданской обороны. Вывести из помещения всех людей, в первую очередь детей и пожилых, открыть настежь окна и закрыть все двери. Защитить органы дыхания влажной марлевой повязкой. Если вы наступили на ртуть – промыть подошвы почти черным раствором марганцовки.

И тут начинается настоящая паника, поскольку материнский мозг не может воспринять одновременно перманганат калия и штаб Гражданской обороны, что звучит еще более устрашающе, чем перманганат. И что мы делаем? Конечно, начинаем замечать ртуть венчиком или пытаемся собрать ее тряпкой, с ужасом и восторгом глядя, как ртутные шарики делятся на более мелкие и разбегаются по полу. Или, если уж совсем хватает выдержки и сообразительности, собираем ртуть в два картонных листа. Почему картонных? Потому что ребенку в садик велели принести пачку белого картона. Только поэтому в доме оказался картон и не обнаружилось перманганата, газеты и марлевой повязки. Вот если бы в саду велели сшить повязку, то тогда бы в доме она была точно.

Про проветривание и эвакуацию детей несчастная мать вспоминает не сразу. Все то время, что она катает шарики ртути по полу, ребенок стоит рядом и с радостью смотрит на процесс. Мама кричит: «Не подходи! Обуйся немедленно!», на что ребенок, конечно же, не реагирует. И естественно, в ста случаях из ста, собрав ртуть с пола, мать выбрасывает ее в мусорное ведро и с чистым сердцем относит пакет в мусоропровод, в последнюю очередь думая о здоровье соседей, вызове Службы спасения и мире во всем мире. Разве нет? У вас было не так?

Правда, бывают исключения.

Вот подруга моей подруги Катя счастливо вышла замуж. До того счастливо, что теща со свекровью стали лучшими подругами, тесть с зятем выпивали к взаимному удовольствию, и все было хорошо. Совершенным счастьем стало рождение долгожданной дочки-внучки.

Надо сказать, что до своего счастливого замужества и не менее счастливого домохозяйничанья Катя работала в солидной компании на очень ответственной должности. И когда подруги стали ей передавать вещи для малышки, Катя, вспомнив прошлое, подписывала все пакеты и точно знала, что дочку ждут семнадцать платьев, одиннадцать пар носочков, двое джинсов и так далее. Не менее обстоятельно Катя подходила к питанию и воспитанию малышки, погрузившись в изучение методик, систем, принципов и правил. К счастью, пока Катя изучала вопрос, девочку воспитывали бабушки по своей бабушкиной системе. Но история не об этом.

Однажды Катя сделала то, что сделать не могла в принципе, – разбила градусник. Обычный ртутный градусник. Как могло выйти так, что три электронных градусника не работали, как получилось, что ртутный лежал в тарелке на кухне, а не в аптечке, и как Катя могла вообще

такое допустить – остается загадкой даже для нее. Но случилось страшное – градусник разбился, и ртуть раскатилась шариками по полу. Кроме Кати, в кухне находился кот, который немедленно начал нюхать ртуть.

Дальнейшее она помнила урывками: осталось в памяти, как она спокойно включила компьютер и аккуратно выписала телефоны МЧС. А потом так же спокойно и методично стала звонить и рассказывать про «разлитие ртути». На другом конце провода ей или отвечали короткими гудками, или переключали на другого сотрудника. Тогда Катя вычитала в Интернете все про ртуть, после чего силы и выдержка ее оставили. Она позвонила свекрови с криком, что нужно срочно эвакуировать ее и ребенка и кастрировать кота – на всякий случай. Потом позвонила маме и потребовала срочно привезти ей хлорку, нашатырь и марганцовку. И побольше. Затем Катя позвонила мужу, вытащила его с важного совещания и потребовала немедленно приехать домой. Потом взяла люльку, положила в нее дочку, надела шубу и вышла на балкон. Кот тоже хотел на балкон и орал дурным голосом, но Катя оставила его, как зараженного, на кухне. На входную дверь она прикрепил записку: «Мы на балконе, дверь открыта».

В ожидании родственников Катя продолжала дозваниваться в службы, которые должны отвечать за разлитие ртути, замеры радиоактивности и прочее. И ее профессиональные навыкигодились. Уже через час на кухне собрались все. То, что пережила мама со свекровью, когда они увидели записку на двери, можно представить. В результате Катя вызвала еще и «Скорую» – взрослую и детскую, упрекая себя в том, что не догадалась сделать это раньше. Посетила ее мысль вызвать и ветеринарного врача для кота, но тут приехал муж.

Катю с дочкой забрали с балкона. Свекрови вкололи лекарство от повышенного давления. Детская «Скорая» осмотрела малышку и нашла у нее немного красное горлышко. Кате прописали ванны с валерьянкой и внутрь тоже. Мама в это время взяла буханку черного хлеба, отрезала ломтик и собрала всю ртуть, после чего положила хлеб в банку и выставила за входную дверь. Тут приехала и МЧС с дозиметром, который был затребован в соседнем округе – местный давно не работал. Мама выдала им банку с хлебом. Уровень радиации показал удивительные данные – в спальне обнаружилось превышение нормы в три раза, а на кухне, в очаге, так сказать, все оказалось в допустимых пределах. Кот или от запаха валерьянки, или от ртути наворачивал круги по квартире. Катя велела свекрови срочно ехать в ветеринарную клинику на кастрацию и дезинфекцию, тем более что кастрировать собирались давно, да руки не доходили.

После того как свекровь увезла орущего кота, Катя собрала дочку и заявила мужу, что уезжает к маме и будет жить там, пока уровень радиации не придет в норму.

Муж безуспешно рассказывал Кате, что в детстве перебил кучу градусников – ему нравилось катать шарики по полу. А однажды даже выпил случайно – хотел прогулять школу, а мама принесла горячее молоко. Вот он и сунул градусник в молоко, где тот и разбился. Чтобы мама не заметила, он выпил не только ртуть, но, возможно, и стекло. И ничего, живой.

Катя тоже помнила, как в детстве пыталась замести ртуть из разбитого градусника веником, ничего не получалось, и она собирала ее мокрыми руками – и ничего, тоже живая. Но сейчас ведь другое время! Катя схватилась за телефон.

Свекровь, вернувшись с кастрированным ни за что ни про что котом, была вынуждена промыть все с хлоркой и приходить мыть полы три раза в день в течение недели. Катя, приехав к маме, развела марганцовку, протерлась раствором сама, а потом полила из ковшичка мужа. Тот поначалу упирался, но Катя сделала такое лицо, что муж покорно дал себя продезинфицировать. Мама согласилась на марганцовку без лишних уговоров. Ну а дочери Катя устроила настоящую марганцовую ванную.

Катя звонила свекрови и требовала, чтобы после хлорки она прошлась еще одним слоем нашатырного спирта. Катя хотела и полы помыть марганцовкой, но муж сказал, что паркет жалко – только недавно после ремонта.

Пока Катя жила в эвакуации у мамы, она не переставала звонить в МЧС и требовать контрольного замера уровня радиации. Надо сказать, МЧС приехала, замерила и торжественно объявила, что можно возвращаться – все в норме.

Единственным пострадавшим в этой истории стал кот, который так и не понял, за что его подвергли кастрации. На нервной почве он стал больше есть и спать. Катин муж тоже хотел бы больше есть и спать, но Катя решила, что ртуть могла осесть в организме, и перевела мужа на здоровое антиоксидантное питание и принялась будить его по утрам, чтобы выгнать на пробежку. Муж выходил на улицу, закуривал сигарету и рассказывал консьержке, как разбитый градусник может изменить жизнь. Консьержка выдавала ему ножку от гриль-курицы из «Ашана» и смотрела, как он ест. Катина свекровь увлеклась йогой и, кажется, нашла себе «интересного мужчину». Катина мама ей немного завидует, хотя и не подает виду. И только Катин отец продолжает утверждать, что ладно бабы истерички, но ведь зять должен был знать, что лучшее лечение от радиации – водка.

Когда дом превращается в лазарет. Что делать, если болеют муж и дети

Дети имеют обыкновение болеть или по очереди, один за другим, чтобы не позволить матери расслабиться, или вместе, чтобы дать матери заряд адреналина. Но гораздо хуже, когда болеет еще и муж.

Да, когда болеют дети, даже пресловутым ОРВИ, обрывается сердце. Когда болеет муж, хочется найти цианистый калий и дать, чтобы уже не мучился. При этом женщина болеть вроде как не может. То есть может, но так, чтобы это было не видно.

Было дело – я долго держалась, но все-таки свалилась. Лежала, кашляла. Муж закрыл меня в комнате, выдал отдельную посуду, как зачумленной, и старался не заходить без особой надобности. «Почему ты все время болеешь?» – недовольно спросил меня он. Я задохнулась от возмущения и долго кашляла, как туберкулезник. Правильно говорит моя мама: «У мужчины сестра должна быть богатая, а жена – здоровая».

У меня заболели все и сразу. Муж лежал на диване в позе младенца и умирал. Он стонал, держался за сердце, хотя у него были сопли, просил принести стакан воды и требовал заверений в любви.

Сын понимал, что мне не до него, и начинал требовать внимания вечером, когда отец семейства был напоен таблетками, намазан мазями и уложен с книжкой. Он кашлял, вызывая рвоту, держался за ногу, хотя у него тоже были сопли, и просил разрешения пять минут поиграть на компьютере, чтобы ему стало «полегче». Дочь заступала на смену в ночь – хныкала, сбрасывала одеяло, снимала носок, требовала попить, игрушку. У нее не было ни соплей, ни кашля, только температура. Или мне только казалось, что она «горяченькая».

Половина кухонного стола была завалена лекарствами, пипетками и мерными ложками. В холодильнике стояли отвар шиповника с корнем имбиря, мед с соком черной редьки и нутряное сало. Открыть холодильник было невозможно – запах сшибал с ног.

Ничего удивительного, что я все перепутала. Сыну дала съесть нутряное сало, дочь накормила медом с редькой, а мужу дала жаропонижающую свечку вместе с водой – чтобы выпил. Странно, но всем стало легче.

На следующий день дом был похож на свалку. Рядом с кроватью мужа скопилось несколько чашек и стопка книг. Комната сына была завалена бумажными носовыми платками, как снежными хлопьями. А дочери понравилось открывать и закрывать упаковки с флаконами. И пока она пыталась отвинтить крышки, я успевала сварить бульон.

Еще через день все пошло на поправку и стали капризничать.

– Мне разве можно делать домашнее задание? – спрашивал сын. – Ты уверена, что мне не станет хуже? Может, я еще болею?

– Не хочу капать в нос, – говорил муж. – Капли в горло попадают, и они невкусные.

– А-а-а-а! – кричала дочь.

У нее появилась новая игра – она брала со стола предметы и складывала их в мусорное ведро. Я рылась в мусоре в поисках пипетки, носовых платков и капель. Дочь возмущалась и опять все выбрасывала.

А еще она ходила за мной по дому с игрушечным набором врача и ставила всем градусник. На ночь она требовала почитать про Айболита.

– Пожалуйста, отнеси на кухню чашку, – попросила я мужа.

Он шел по коридору, подволакивая ногу и постанывая. Посередине пути остановился и картинно высморкался – соплей уже не было. И кашля тоже. Но муж усердно хрипел.

– Устал я что-то, – произнес он и вернулся в кровать.

Сын пролил горячее молоко, которое пил, лежа на диване, задрал ноги. Дочь все-таки разбила флакон с сиропом от кашля.

– Что мне делать? – позвонила я маме.

– Снять номер в гостинице и выспаться, – посоветовала она.

Кстати, именно мама научила меня делать уколы. После аварии у нее так «прихватывало» спину, что она могла только лежать на животе, курить, сбрасывая пепел в пепельницу, стоящую на полу, и тихо материться.

– Давай уже, – кричала она мне.

– Не могу, я боюсь, – плакала я.

Я колола маму, заливаясь слезами, а в свободное время тренировалась на яблоках и бегала к всегда немножко нетрезвой, но бесконечно доброй и ласковой соседке-медсестре, которая учила меня находить вены, смешивать лекарство с физраствором и ставить капельницу на швабре.

После этого мне было ничего не страшно. Я колола плачущих детей – при этом один мальчик мне растесал бровь игрушечным паровозиком, – кусающихся собак – одна, к счастью, привитая от бешенства, все-таки цапнула. Я колола коллег в туалете и однажды сделала укол в пробку на дороге. Я делала уколы самой себе, беременной, перед зеркалом. И даже уши один раз проколола подружке. Все говорили, что рука у меня легкая.

Уколы прописали моему мужу. Дозировка минимальная, иголка – самая тоненькая.

– Подожди, я еще не готов, – стонал муж. – Мне нужно лечь.

– Не обязательно, можешь стоять.

– Нет, я лягу. Так будет легче. Предупреди, когда будешь колоть, чтобы я вдохнул. А-а-а! Я же просил предупредить!

– Не может быть, чтобы было так больно, – удивилась я.

– Ужасно больно. У меня даже нога онемела. Уже можно вставать? Может, лучше полежать? У меня там нет синяка? Почему-то я встать не могу.

Уколов надо было сделать десять. Муж стонал, тер больные места, говорил, что я специально ему так больно делаю, и вообще... у него там синяки, кровоподтеки и шишки. Я прикладывала на его «больное» место, чистое, как попка младенца, без единого следа, капусту, за которой утром специально бегала на рынок.

– А можно какое-нибудь болеутоляющее? – чуть не плакал муж.

Я капала ему валокордин, правда, пока несла рюмку, выпивала сама – чтобы не сорваться.

– Не хочу... не буду... зачем? Я устал! Не могу сидеть. У меня там точно нет гематомы? Посмотри повнимательнее! Может, нам лампочки поменять? Ничего не видно!

Каждый вечер муж торжественно укладывался на диван, на две подушки, и застывал с мученическим выражением лица. После укола он еще долго лежал и просил чай, плед, еще одну подушку, открыть форточку, закрыть форточку и тихо постанывал.

Раньше я думала, что мужчины как дети. Нет, они хуже детей. И хуже собак. Они совершенно не умеют терпеть. Каждый вечер я ловила себя на мысли, что мне хочется ударить мужа паровозиком по голове и укусить его за руку.

Это случилось на девятый день уколов.

– Не могу переключиться, – простонал муж. – Все время чувствую место укола.

Я со всей силы наступила ему на ногу. И еще раз.

– Что ты делаешь? С ума сошла? Больно же! – закричал он.

– Где больно? – поинтересовалась я.

– Нога!!!

– Ну не попа же...

Что делать, если сын-подросток требуется купить что-нибудь ненужное?

Психологи так и пишут: «Осторожно, подросток!» Ну, это нам, мамам, и так понятно. Первое правило, по мнению специалистов: если ребенок взрывается, вдруг переходит на крик, нужно спокойно и ласково у него спросить: «Ты чем-то огорчен?» Ни в коем случае нельзя «провоцировать эскалацию агрессии». Это выражение мне нравится особенно. Это у него эскалация, а у меня уже истерика! Приходит, допустим, из школы ребенок – его школьная форма запихнута в рюкзак ногами, да еще и притоптана, потому что ему было лень переодеваться после физры. Он эту самую форму вытаскивает, как будто делает одолжение, и бросает на гладильную доску. То есть у матери вместо спокойного вечера – гора стирки и глажки. Ребенок тут же, надев наушники, утыкается в планшет и огрызается, если просишь его помыть посуду, убрать за собой разбросанную одежду, заправить кровать и так далее. У него – переходный возраст, он страдает, мечется и испытывает стресс. А я, мать, должна все это терпеть и ласковым голосом спрашивать: «Ты чем-то огорчен?» Да ни за что! Никаких нервов не хватит! Это он у меня должен спрашивать: «Мамочка, ты чем-то огорчена?» Да, очень огорчена. тройкой по физике, например. Брошенной грязной тарелкой тоже очень огорчена. И жвачкой вперемешку с бумажными салфетками, которые он не вынул из брюк, а я их постирала, и теперь все белье в ошметках салфетки.

Еще советуют делать подростку на ночь расслабляющий массаж, жить его интересами, в том числе музыкальными, интересоваться его предпочтениями в стиле одежды и переписываться с ним в чате, например. На подростка нельзя кричать, читать ему нотации, разговаривать «между делом», критиковать и так далее. Вы этого не знали? Конечно, знали. И что – у вас хватало на это терпения?

У меня нет никакого желания переписываться с ребенком в социальных сетях, тем более под чужим именем. Так делают многие мамы. Один раз я видела страницу сына. Его физрук там фигурирует как Димон. А девочка Настя, которую я помню с двумя косичками и разбитой коленкой, превратилась в барышню в купальнике. Нет, я не хочу этого видеть. И фото-приколы, которые они постят, меня тоже не веселят. Меньше знаешь – лучше спишь. Вот с этим я полностью согласна.

Я иногда не знаю, как реагировать на просьбы и поступки сына-подростка. Недавно он попросил купить ему ружье для игры в страйкбол. Ныл целый месяц про то, что ему жизни нет без страйкбола и что уже у всех его друзей есть и ружья, и пистолеты для ближнего боя, и берцы, и только он один ни разу не играл. Я полезла в Интернет и ужаснулась тому, что выхватил из обилия информации мой материнский глаз – травматично, до четырнадцати лет пользоваться нельзя, потом можно, но не рекомендуется без защиты на всех местах, носить оружие без сопровождения взрослых нельзя. Конечно, я сказала «нет» и проорала обязательную программу по чтению книг, отлучение от планшета, несделанное задание репетитора по языку.

Сын, естественно, обиделся и прокричал в ответ, что его не признают одноклассники, вооруженные до зубов ружьями для страйкбола, что его никто не понимает, никто не слышит и вообще... На слове «вообще» он ушел в свою комнату и уткнулся в планшетник.

Я, как строгая мать, немедленно завела песню о том, что планшетник – страшный вред, что при наличии троек по физике стоит заняться физикой, а не играми, и можно вообще забыть про страйкбол и играть в шахматы – для мозга полезнее и безопаснее. И еще о том, что деньги мне не падают на голову и покупать ему всякую ерунду, опасную для жизни, я не

намерена. И пусть он лучше слышет ботаником, зато будет здоровым, а не с синяками по всему телу и отбитыми мозгами.

Сын, вытащив один наушник, заявил, что он терпеть не может мой характер, и только его родители вместо того, чтобы его понять, советуют почитать книгу! В результате в доме скандал, никто ни с кем не разговаривает, все обижены.

Тогда я вспомнила советы психологов и пришла к сыну с предложением сделать ему массаж, дать мне послушать его музыку и уж заодно предупредить, чтобы ждал моего сообщения «ВКонтакте». У сына глаза поползли на лоб в буквальном смысле. «Мама, мне не нужен страйкбол, только не надо со мной переписываться!» – в панике проговорил ребенок.

Тринадцатилетний сын моей знакомой Лены, Илья, ныл, что ему очень нужен велосипед. То, что у мальчика уже был очень приличный велосипед, с массой наворотов, скоростей и функций (как говорила Лена, велик «разве что не взлетал»), к делу отношения не имело. Илья решил, что он должен не ездить по дорожкам, а прыгать по оврагам и буеракам. Лена, надо заметить, прилично зарабатывает. У нее собственная фирма со стабильными заказчиками. Еще у Лены есть мама, то есть бабушка, которая не может сидеть дома в силу характера, жизненной позиции и активности, поэтому работает няней. Ну не совсем няней – она готовит своих подопечных к школе, устраивает им курс закаливающих процедур, занимается зарядкой на свежем воздухе. Правда, мужа у Лены нет и никогда не было. Отец Ильи оказался не готов к семейной жизни и без особых угрызений совести оставил беременную девушку. Так что сына она хотела вырастить настоящим мужчиной, который бы знал цену словам, обещаниям, деньгам, времени, труду. Она могла купить Илье велосипед, например, на Новый год, но вдруг решила сделать так, как ее мама – педагог с огромным стажем – поступила с ней. В тринадцать лет Лена, чтобы заработать на джинсы, пошла трудиться – гуляла с соседской собакой, бегала в магазин и в аптеку для одной соседки, сидела с маленькой дочкой другой. За это соседи ей не платили. Но мама купила джинсы.

– Иди зарабатывай, – сказала Лена сыну и помогла ему написать объявление. Мол, меня зовут Илья, мне тринадцать лет, я мечтаю о велосипеде, могу погулять с собакой, сходить в магазин, в аптеку, помочь сделать уроки первоклашке.

Объявление повесили на первом этаже, там, где сидит консьержка. Телефон Лена, как ответственная мать, оставила свой. И тут началось.

В дверь квартиры позвонили. На пороге стояла старушка и протягивала Лене пятьдесят рублей.

– Для сыночки, – проговорила старушка и ушла. Лена даже не успела ничего сказать, поскольку была в шоке.

На следующее утро, когда Лена бежала на работу, консьержка передала ей конверт: «Вот, от соседей». В конверте мелкими купюрами лежали две тысячи рублей. Лена даже забыла, куда шла.

– И вот еще. Сейчас заберете или потом? – Консьержка вытащила здоровенный пакет с вещами. – Это от многодетных с третьего этажа. У них сыну четырнадцать, вам должно подойти.

Лена выбежала из подъезда, как будто за ней гнались. Но уже через час ей из школы позвонил сын.

– Мам, у меня теперь будут бесплатные завтраки, и тебе нужно забрать меня из детской комнаты милиции! – радостно сообщил Илья.

У Лены остановилось сердце.

В милиции, куда она пришла на слабых коленях, ее встретил участковый. На самом деле Лена не знала, что этот человек участковый – случая не было познакомиться.

– Что же вы так? – спросил участковый участливо и в то же время раздраженно. – У меня тоже сын. Но чтобы так... Одиночка? Безработная?

– Я индивидуальный предприниматель, ипэ, – проблеяла Лена.

– Все мы ипэ, – отозвался участковый. – Забирайте сына... И вот, лично от меня. – Он положил на стол три тысячи.

К вечеру Лена провела собственное расследование. Оказалось, что кто-то из соседей сфотографировал объявление и выставил его в одной из социальных сетей – мол, надо помочь ребенку осуществить мечту. Консьержка подтвердила – мальчик очень хороший, мать его воспитывает одна, без мужа, бабушка на пенсии вынуждена работать няней, чтобы хватало на жизнь.

И соседи кивали, сокрушались и искренне хотели помочь – ребенок не абы что просит, а простой велосипед. Да что мы – не люди, что ли?

Придя домой, Лена отправилась в душ, и тут в дверь позвонили. Она пошла открывать, замотавшись в мамин старый халат – первое, что попало под руку, косметику смыть не успела, тушь растеклась, волосы торчали в разные стороны. Да, исключительно для успокоения нервов, Лена успела глотнуть коньяка.

– Да, я так и думал, – проговорил, скользнув по ней взглядом, стоявший на пороге мужчина в хорошем костюме, при галстук. Лена отметила дорогие обувь и сумку. Она потуже затянула халатик и решила, что сегодня точно напьется. За спиной у мужчины стоял новый сверкающий велосипед.

– Вот, возьмите, я для сына покупал, но ему другой нужен. Этот хотел сдать, но вам нужнее, – сказал мужчина.

– Не надо! – закричала Лена.

– Я понимаю. Вам тяжело. Но все уладится, – успокоил ее мужчина и ушел.

Еще через полчаса Лене позвонили с телевидения и пригласили на ток-шоу. Тема звучала так: «Как я заставила своего малолетнего сына работать».

Ленин телефон буквально разрывался от звонков. И только один был «по делу» – соседка попросила Илью погулять с ее той-терьером.

В дверь опять позвонили. На пороге стоял мрачный Илья с двумя здоровенными пакетами.

– Что это? – ахнула Лена.

– Гречка, рис, пшеника, мука. – Илья бросил пакеты в коридоре.

– А собачка?

– Не было там никакой собаки.

– Зачем ты это взял?

Сын не ответил. Он ушел в свою комнату, воткнул в уши плеер и уткнулся в планшет.

После работы домой пришла мама.

– Леночка, что происходит? Почему на меня все так странно смотрят?

Лена не успела ей ответить. На мобильном телефоне высветился номер, который она не узнала, потому что долгое время старательно стирала из памяти. Звонил биологический отец Ильи.

– Я хочу увидеть сына, – заявил он.

– Вы по объявлению? – У Лены перед глазами уже мелькали разноцветные пятна то ли от стресса, то ли от коньяка.

– Это я во всем виноват! Я все исправлю! То, что я сделал, было ошибкой!

– Вы с телевидения? – спросила очумевшая Лена.

– Лена! Это я! – закричал в трубку отец Ильи.

История закончилась хеппи-эндом в лучших традициях ток-шоу, хотя телевидение об этом так и не узнало. Лена вышла замуж за отца своего ребенка. Илья от обрушившегося на

него счастья получил не только отца, но и айфон, о котором даже не мечтал. Все собранные деньги Лена отнесла в церковь, в детский дом и отдала консьержке, у которой болел внук где-то в Ставрополе. А новенький велосипед, подаренный неизвестным мужчиной в костюме, отошел многодетной семье. С соседкой, которая снабдила семью крупами на год вперед, Лена «расплатилась» щенком тойтерьера. В детскую комнату милиции Лена предоставила справки о том, что Илья растет в полноценной семье, занимается в секциях. Правда, пришлось побегать по диспансерам, чтобы доказать, что она, мать, в них не состоит.

И только мама Лены продолжает работать няней. То есть репетитором, конечно же.

Родительское собрание. Как себя вести?

Если верить советам профессионалов, самое важное – выбрать правильное место, где сидеть. Чтобы добиться чего-нибудь, нужно сесть так, чтобы поддерживать зрительный контакт с руководителем, в нашем случае классной. Значит, надо устроиться напротив ее стола, то есть за первой партой. Если же задача – остаться в тени, то нужно сесть так, чтобы руководитель не мог вас видеть, и желательнее надеть неприметный костюм. «Если хотите высказаться, поднимите руку. Высказывайтесь конструктивно и оставайтесь доброжелательны. Примените «навыки убеждения», – советуют в инструкциях по правильному поведению на собраниях.

На родительские собрания я ходить боюсь еще с начальной школы, поскольку не знаю, чего от этих собраний ждать. Особенно страшно, когда приходят учителя-предметники и рассказывают про детей. При математичке и физичке я вжимаюсь в парту и с умным видом старательно вырисовываю в блокнотике бабочки и цветочки, не поднимая глаз – а вдруг меня вызовут и заставят решать пример, который не могли решить дети? У нас так один раз было – вызвали маму, которая густо краснела у доски, а другая мама, у которой дочь отличница и которая сама в прошлом медалистка, подняла руку и с ухмылкой решила задачку.

Я не могу вести себя как взрослая женщина. И реагировать адекватно тоже не могу. А кто может? В нас вбит страх перед учителями. Ведь учитель всегда прав. Да, можно вступить в дискуссию, но как это отразится на твоём ребенке? Я своими глазами видела папу, который читал лекции на английском, но перед девочкой, вчерашней выпускницей вуза, учительницей его сына, не смог вспомнить три формы глаголов.

Есть еще один способ – сдать быстро деньги на нужды класса и сбежать. Но тогда получится, что тебе все равно, как учиться и как себя ведет твой ребенок. Был у нас папа, который всегда выступал против всего. В принципе, папа был умный и говорил правильные вещи, но его не любили. Да что там не любили – терпеть не могли! Собрание затягивал, выступал много, учительницу раздражал, настроение ей портил. Кому это надо?

В тот раз собрание вообще получилось странным. Мы должны были сесть на те места, где сидят наши дети. Классная руководительница Оксана Игоревна посадила меня на первую парту в среднем ряду. Мне немедленно захотелось в туалет, поскольку я всю свою школьную жизнь просидела на галерке вместе с хулиганами и боялась находиться так близко от учительницы.

Оксана Игоревна рассказывала про внеклассное чтение, про форму, гаджеты, которые нужно у детей отобрать, и прочее. Я сидела вполоборота, потому что вся жизнь была там, за спиной – родители перешептывались, шутили и передавали друг другу листочки. Потом классная попросила задавать вопросы, чтобы она могла рассказать про каждого ученика, и посмотрела на меня. У меня не было вопросов, но Оксана Игоревна настаивала, не отводя взгляда.

– Скажите, а Вася очки носит? Не забывает? – спросила я. Ну, чтобы хоть что-то спросить.

– Конечно! – с готовностью подтвердила учительница. – Он и в прошлом году в очках был.

– Нет, ему только в этом году их прописали, – тихо сказала я.

– Ну как же? Я хорошо помню – весь прошлый год Вася ходил в очках! – заявила Оксана Игоревна.

– Простите, а мы с вами про одного и того же Васю говорим? – решила уточнить я.

– Конечно! Что я – Васю не знаю?

– Да, вам виднее, – сдалась я, на долю секунды решив, что перепутала класс, число и забыла имя собственного ребенка.

Дома я подошла к сыну и погладила его по голове.

– Беденький, как же ты за первой партой сидишь?

– Мам, ты чего? Я не сижу за первой! Я за второй в левом ряду! – удивился сын.

– А кто у вас в середине за первой сидит?

– Антон! Только он уже неделю в школу не ходит. С родителями уехал куда-то.

Так до меня дошло, что Оксана Игоревна перепутала меня с мамой Антона, который ходит в очках с первого класса.

Оказалось, что Оксане Игоревне тоже не давала покоя тема очков. На следующий день она провела среди детей опрос – ходил ли Вася в прошлом году в очках? Сорок процентов сказали «да», пятьдесят процентов – «нет», десять процентов ответили «не знаю». Среди последних был и мой Василий.

После этого у меня остался только один вопрос – зачем я ходила на собрание и нужно ли идти в следующий раз? Может, мама Антона за меня сходит?

Но в школу идти все же пришлось, после грозной записи в дневнике: «Выбрасывал девочку из окна!» Я сначала опешила, а потом удивилась – Васины одноклассницы в свои двенадцать-тринадцать лет уже на голову выше мальчиков и такие бойкие, что сами кого хочешь выкинут из окна. Во всяком случае, представить, что Вася мог взять и в рывке поднять девочку до уровня подоконника без ее на то желания и помощи, было невозможно.

Оказалось, что не только Вася кидался девочками из окна, но и Антон. А отдувалась я за двоих. Дело было так. Оксана Игоревна зашла в класс и увидела, что девочки висят вниз головой за окном, а Василий и Антон держат их за талию и ноги. Понятно, что у классной чуть сердце не остановилось, и она не стала слушать объяснения.

Пришлось мне все ей объяснить. Прямо под подоконником, с внешней стороны, мальчишки разглядели гнезда. Это были не ласточки, а какие-то другие птицы. Мальчишки, держа друг друга, полезли смотреть, что за гнезда и есть ли там птенцы. Потом и девочки подключились. «Ты знаешь, какая Алиса тяжелая? Я ее еле удержал!» – рассказывал мне Вася, разглядывая в Интернете картинки пернатых и пытаясь определить, какие именно завелись у них в школе.

– Давайте посмотрим, – предложила я Оксане Игоревне.

Сначала она держала меня за кофточку, потом я ее – гнезда действительно были. В этот момент в класс зашла завуч и остолбенела на пороге – родительница выбрасывала из окна классную руководительницу. Потом мы обе сидели уже перед завучем и рассказывали ей про гнезда. Предлагали подержать за ноги, чтобы она могла убедиться.

Когда я наконец вышла из школы, у меня был только один вопрос – в этот раз я была мамой Васи или мамой Антона?

По дороге домой я вдруг подумала, что я сама маму Антона за все годы ни разу не видела. В первом классе на собрания ходила няня, потом бабушка.

Прошла пара недель, я успокоилась. И на улице столкнулась с нашей классной – Оксаной Игоревной. Радостно поздоровалась.

– Здравствуйте, – сдержанно ответила та. Она меня не узнала. Совершенно точно. Ни как маму Васи, ни как маму Антона.

И ладно бы каждую неделю я меняла цвет волос или макияж, так нет же. Вот я и думаю – это со мной что-то не так или с памятью Оксаны Игоревны? А может, мой сын ходит в другую школу? Или все-таки в другой класс, где есть еще один Василий? Может, это у меня амнезия? Может, я заработалась совсем и нужно больше спать? Мне стало по-настоящему страшно.

– Вась, меня твоя классная на улице не узнала, – сказала я сыну, вернувшись домой.

– Она сегодня без контактных линз была. И очки дома забыла, – спокойно объяснил ребенок.

Как делать творческие задания для школы? И делать ли их вообще? Помогать или пусть ребенок справляется сам?

Конечно, пусть справляется сам! Тем более что на предмете под названием «технология» девочки уже не шьют фартуки и не пекут печенье, а мальчики не сколачивают табуретки – в целях безопасности, чтобы, не дай бог, не порезались и не долбанули молотком по пальцу. Теперь они сдают тесты. Например, отвечают на вопрос, к каким семействам относятся перец, свекла и батат? Я, кстати, и не подозревала, что перец относится к пасленовым (мой сын Вася написал «пасленые»), а батат к клубнеплодам (впрочем, сын не знал, что такое батат, и был искренне удивлен, узнав, что это сладкая картошка).

К тому же участие родителей в творчестве ребенка – дело неблагодарное. Усилия будут оценены в лучшем случае на «тройку». Я, например, за сочинение по «Кавказской пленнице» получила «три с минусом и то авансом». А мой муж, который вызвался помочь Васе нарисовать для конкурса Неопалимую Кулину, даже на тройку не нарисовал. Учительница сказала Васе, что «бараны не читаются» и «персонажей маловато». Муж, окончивший художественную школу, просидевший ночь над репродукциями, на «баранах» зашелся нервическим кашлем, а на «персонажах» вообще чуть не задохнулся от возмущения. Уже полгода прошло, а он все ходит и ведет односторонний спор с учительницей: «Это мои бараны не читаются? Овцы, а не бараны! Овцы! Какие персонажи в Кулине? Откуда им там взяться?»

В прошлом году, например, бедные дети записывали в тетрадку инструкции по приготовлению здоровой пищи и способы вдевания нитки в иголку. Вечером я застала сына склонившимся над тетрадкой. Он пытался совместить записи с реальностью. «Заправка нитки в иглу. Нитку берут в руку, перебрасывают ее через локоть, снимают и отрезают ножницами. Конец нитки берут в руку и отмеряют расстояние до подбородка».

– Какой ужас! – Я попыталась представить расстояние от руки до подбородка. – А что дальше делать?

– Не знаю, – ответил Вася. – Звонок прозвенел, не успели записать.

Но это не самое страшное. Вася теперь ходит по кухне с тетрадкой и проверяет все на соответствие ГОСТу. «Заварку хранят не более тридцати минут, температура 55–65 градусов Цельсия», – читает он, глядя в наш заварочный чайник.

А еще он проверяет яйца на качество и свежесть – по таблице, нарисованной в тетради. Качество яйца – положение яйца. Вася выложил перед собой десяток яиц и поставил стакан с водой. Каждое опускал в стакан и проверял уровень. Если яйцо плавало чуть выше дна, оно, согласно тетрадке, считалось относительно свежим. А если на поверхности – то «недоброкачественное». Мои попытки воззвать к разуму ни к чему не привели. Пока Вася не искупал все десять яиц, не успокоился. Я теперь даже сварить яйцо просто не могу, а только «предварительно вымыв его в растворе питьевой соды». Бедные дети должны еще и зачет сдавать по этой теме – правильно указать химический состав яйца. Вот зачем ребенку знать, что яйцо на 0,7 процента состоит из углеводов, а на 11,5 процента из жиров? Когда я режу овощи на суп, то он прибегает с линейкой и замеряет ломтики, которые должны быть толщиной 0,2 сантиметра. А если кубики, то от 0,5 до 2 сантиметров.

Даже посуду я не могу помыть просто так, а только по записям в тетрадке. Для этого я должна следовать «схеме мытья посуды». Очистка. Далее по стрелочке мытье (сортировка), опять стрелочка – полоскание и еще одна стрелочка – сушка.

Господи, лучше бы они табуретки делали!

Еще они вышивают крестиком цыплят, вишенки и цветочки. Вася пришел даже не в истерике, а в трансе. Молча показал на пакет с нитками и картинку для вышивания. Мне его правда стало жалко. Вишенку я ему вышила, просидев два вечера, ругаясь нецензурной бранью, откусывая нитки и кляня на чем свет стоит инструкцию к этой самой вишенке. На самом деле я была очень горда своей работой – вишенка получилась без листочка, но на него у меня уже нервов не хватило и глаза слипались. Зато Вася в это время спокойно спал, и я радовалась, что ребенок с утра не будет ходить как зомби. Пуговицу он пришить может, а вышивать крестиком ему в жизни вряд ли придется. Во всяком случае, я очень на это надеюсь. За вишню я получила «тройку» с формулировкой «небрежно и не полностью» и цыпленка вышивать отказалась категорически, заявив, что пусть он сам вышивает, лепит и клеит. Да, Вася сказал, что никто из мальчиков сам не вышивал – «всем помогали женщины».

Или вот еще был случай. Василий, конечно же, вспомнил, что надо сдавать творческую работу, только накануне вечером. С выпученными глазами он ворвался на кухню и начал переворачивать ящик, где хранятся макароны, крупы и мука.

– И что, у нас больше никаких образцов нет? – воскликнул он.

– В смысле? – не поняла я. Вася держал в руке пачки с бантиками, рожками, спагетти и даже макаронами в виде сомбреро, которые я из какой-то поездки привезла ради шутки.

– Тут мало! Мне нужно как минимум десять образцов макаронных изделий! А у нас нет ни малых рожков, ни перьев, ни улиток, ни соломки!

– И зачем они тебе понадобились? С жиру бесишься?

– Их нужно приклеить на картонный лист и подписать! Чтобы красиво было! Творческая работа! И где взять остальные?

– Что ты мне предлагаешь? К соседям пойти? – пошутила я. Но Василий смотрел на меня так, что я не стала продолжать дискуссию. Ребенок чуть не плакал.

А дальше я улыбалась соседям и рассказывала им про творческое задание. Просила отсыпать мне пару-тройку макарон. Любых. Если бы не Вася, который маячил за спиной, соседи бы вызвали психушку.

Та же мысль – о переутомлении и психиатре – посетила меня, когда поздно вечером позвонила подруга и спросила, нет ли у меня случайно дома бочки. Только не очень маленькой, а средней, чтобы ее восьмилетняя дочь могла в нее влезть, потом из нее вылезти и при этом не застрять. Такой обычной дубовой бочки.

– Лен, ты чего? Заработалась? – поинтересовалась я.

– Нет, не могу найти бочку. Очень нужно.

Оказалось, что ее дочь ходит в театральный школьный кружок, и ей доверили роль Бабы-яги, но с одним условием: мама найдет бочку, из которой девочка будет выпрыгивать. Картонная не подходила – руководительница театрального кружка сказала, что картон Бабу-ягу не выдержит. В прошлом году спектакль был сорван – отрицательный персонаж вывалился из картонной бочки раньше времени. Еще нужна была метла, именно метла, а не веник. Но метла, к счастью, нашлась (подруга уговорила руководительницу считать метлой банный веник, прикрученный к швабре. Муж съездил за веником к другу на другой конец Москвы, а подруга весь вечер прикрепляла его к швабре). Но на настоящей бочке настаивали категорически.

Подруга обзванивала знакомых, которые слышали трагический рев будущей актрисы, творческая судьба которой зависела от того, найдет ли мама бочку. Подруга сказала, что мама второй (запасной) претендентки на роль Яги тоже активно занята поисками реквизита. Кто быстрее найдет, тот и Баба-яга.

В общем, после разговора с подругой я поняла, что наши макароны – ерунда. Подумаешь, по соседям походила с протянутой рукой, в которую мне ссыпали рожки, крученые и верченые.

Кстати, единственная соседка, которая совершенно не удивилась моей просьбе, была мама, воспитывающая сына-третьеклассника. Она просто кивнула, не требуя дополнительных объяснений, и спросила:

- А у вас шляпы случайно нет?
- Какой?
- Мужской.

Оказалось, что их класс готовит конкурс шляп. Ну, как на скачках. Все должны прийти в головных уборах. У кого будет самая красивая и необычная шляпа, тот и победит. Предложение было принято с восторгом – получатся прекрасные фотографии для школьного отчета и семейных архивов. У соседки не было мужских шляп, поскольку не было мужа, имелись только женские, и те – пляжные. Она позвонила отцу своего ребенка, но не додумалась сразу попросить у него денег, чтобы купить головной убор, а начала рассказывать про конкурс и попросила привезти мужскую шляпу. Конечно, он не поверил, решив, что бывшая жена сошла с ума, и бросил трубку. А мальчик страдал. Он не хотел идти на конкурс в пляжной шляпке своей мамы.

Соседка отсыпала мне макарон, а я отдала ей головной убор старшего сына, в котором тот проходил военные сборы в институте. Мы даже обнялись на прощание. Дети были счастливы.

Праздник в школе. Как пережить?

Это очень, очень сложный вопрос. Почти каждая мама сталкивалась с тем, что ребенку сначала давали слова для выступления, а потом их отбирали. Потому что выздоровела другая девочка, изменился сценарий, слишком много детей из одного класса нельзя выставлять на сцену и так далее, и тому подобное. Ребенок, с которым так несправедливо обошлись, проливает слезы, потому что все выучил и отрепетировал, и уже даже парадное платье висит на плечиках отутюженное, и мама с работы отпросилась, чтобы снять выступление на камеру. Мама тоже пребывает в истерике. А что сделаешь? Остается только лепетать что-то невнятное: мол, не расстраивайся, это же ерунда, у тебя таких концертов впереди еще будет много, не в этот раз, так в следующий – обязательно! Ребенок не верит, потому что и сама мама в это не верит. И не пойдешь ведь к классной скандалить: «Верните моему ребенку слова, он готовился! Неужели нельзя было эти слова поделить? Или не давать надежду?» Ответов на эти вопросы нет и быть не может. Это такой школьный рок и рулетка.

При этом точит неприятное чувство, что та девочка или мальчик, которого предпочли, возможно, читает с большим выражением. А значит, мой ребенок недостаточно талантлив. Остается смириться и утешать безутешное чадо. Конечно, можно понять и учителей, которые разрываются между преподаванием и подготовкой к концерту, снимают детей с уроков для репетиций, сгоняют старшеклассников, чтобы расставили стулья, и просят родителей сшить новый занавес для сцены. Они хотят, чтобы все прошло быстро, слаженно и без эксцессов, чтобы дети не запинаясь, не нервничали и не впадали в ступор на сцене. Тут уж не до «алло, мы ищем таланты» – провести бы праздник и тут же начать готовиться к следующему. В этой ситуации нет готового рецепта, как себя вести, и советов тоже нет.

Так уж совпало, что мы с сыном Василием, на тот момент шестиклассником, всю неделю учили прозу. Дети готовились к концерту, посвященному Дню матери. Хотя этот день давно прошел и никто из учеников не назвал бы точную дату, когда он был, концерт решили не отменять и не переименовывать. Задержка случилась из-за того, что кастинги на участие в концерте в этом сезоне неожиданно затянулись из-за наплыва желающих, чего не наблюдалось ни в прошлом, ни в позапрошлом годах.

– Дети в этом году активные какие-то, – удивлялась классная руководительница Оксана Игоревна, отвечавшая за подготовку. – Даже есть из кого выбирать...

Для концерта требовались чтецы, певцы, музыканты и те, кто может показать акробатический этюд. Оксане Игоревне было чему удивляться – кастинг на чтецов прошли Вася и Лиза, упражнения с лентами и мячами вызвались показать Даша с Машей, а солисткой в хоре безоговорочно стала Лера. Все дети из ее шестого «А».

– Мы только виолончель проиграли, – сообщил мне Василий.

Дело в том, что Вася с Лизой, Даша с Машей и Лера выступают вместе с первого класса. Вася с Лизой в паре читают стихи и прозу и уже понимают друг друга с полуслова, как заправские тамады. Даша с Машей занимаются художественной гимнастикой и уже чемпионки чего-то там, а Лера специализируется на вокале. И только Сева из «вэшек» со своей верной виолончелью, как всегда, переплюнул девочек-пианисток.

Васе достался текст про Мать Терезу, а Лизе – про принцессу Диану. За прошедшие годы эти двое точно выяснили, что Лизе удаются лирические куски, а Васе – трагедийные. Лиза очень чувствительная девочка, и в особо трогательные моменты в ее голубых глазах появляются слезы. Она может заплакать, если подумает о бездомном псе или падающей листве. Вася, зная особенность своей партнерши, заранее уточнил у классной руководительницы: «Со слезой должна выступать Лиза или без?» Оксана Игоревна, уставшая от утомительного

кастинга, вопроса не поняла. Откуда же ей было знать, что если Лиза начнет рыдать на сцене, то Вася должен выдержать паузу и лишь потом вступать со своим фрагментом? И только Вася в состоянии вовремя остановить свою партнершу, которая может и не успокоиться. Так уже было – во втором классе. Лиза так зашлась, что ее пришлось вести к дежурной медсестре. А концерт и вовсе был сорван, потому что дальше по программе шла песня про мамонтенка, в которой солировала Лера. Она не пела, а выкрикивала, как лозунг: «Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети!», раскачиваясь и вздергивая головой. То ли давление было повышенное, то ли атмосферный фон неблагоприятный, но сначала зарыдала в голос учительница «бэшек», потом учительница «вэшек», а потом и завуч. Маша и Даша, которые должны были показать упражнения с лентами, выступить не смогли, потому что сидели в медпункте, успокаивая свою подругу Лизу.

К шестому классу все было отрепетировано – Вася научился в нужный момент строго смотреть на Лизу, и та судорожно сглатывала, отступая на шаг назад. Маша и Даша выступали первыми, а Лера пела в конце.

Все секреты успешного концерта Вася с Лизой, а также Маша с Дашей и Лера пытались донести до своей классной. Оксана Игоревна детей слушала вполуха, о чем потом очень пожалела. Тут еще пришел Сева со своей виолончелью и пробубнил, что должен выступать первым, потому что не может пропустить выступление гимнасток. Даша зарделась. Уже шестой год Сева, сидя в первом ряду, смотрит на нее влюбленными глазами (он невысокого роста, в очках, и на каждом концерте завуч или директор сажают его рядом с собой), дарит розу и прижимает смычок к груди. Но на большее – признаться в своих чувствах – он никак не может решиться, а Даша не хочет его торопить. Однако лишаться преданного поклонника тоже не хочет, поэтому в пятом классе она чмокнула его в щеку в знак благодарности и ждала, что будет дальше. Но Сева, видимо от переизбытка эмоций, уже на следующий день в школе не появился – слег с температурой. Когда он вышел после болезни, Даша уехала на сборы, а потом каникулы начались. Но оба еще на что-то надеялись.

Василий тем временем доставал классную вопросами по тексту: «А сари – это приправа, как карри? А почему мы должны на День матери рассказывать про Мать Терезу, у нее же не было детей? А почему мы будем выступать перед пятиклашками, а не перед нашими мамами? Мы в финале будем петь про мамонтенка или про «мама, первое слово в каждой судьбе»? Почему я спрашиваю? Про маму, которая «жизнь подарила», Лера споет, про мамонтенка – нет. В третьем классе так и не допели».

Оксана Игоревна тяжело вздохнула – было душно, седьмой урок:

– Так, Василий, отдай свои слова Лизе и читай ее текст.

Лиза в это время заливалась слезами над судьбой принцессы Дианы.

Вася прочел текст про автокатастрофу и хмыкнул. Лиза, едва успокоившись, в это время читала Васин кусок про Мать Терезу и плакала уже не навзрыд, а протяжно, потому что не знала, кого больше ей жалко.

– Оксана Игоревна, я забыл, а принцесса Диана одна разбилась или с любовником? – спрашивал Вася классную. – А можно рассказать про роль папарации в автокатастрофе? А почему Мать Тереза умерла через четыре дня после смерти Дианы? Это важный момент? А Диана была королевой? А кто женился недавно – бывший муж Дианы? Или ее сын? Или они оба? А кто станет следующим королем Англии?

Оксана Игоревна смотрела в окно, Лиза продолжала оплакивать «народную принцессу», Даша с Машей обсуждали принцев Уильяма и Гарри. Лера тихонько запела: «Мама, жизнь подарила, мир подарила, мне и тебе». Оксана Игоревна вздохнула и заплакала. Подхлюпывали и Даша с Машей, которым Вася рассказывал, как принцесса Диана мечтала о любви, как страдала булимией и анорексией и, едва найдя свое счастье, тут же умерла.

– А ты откуда знаешь? – спросила тихо Лиза.

- Мне репетитор по английскому рассказывала, – ответил Василий.
- Лера, поддавшись настроению, запела песню Уитни Хьюстон «I will always love you».
- Нет, до концерта я не доживу, – вздохнула Оксана Игоревна.

Как себя вести, когда у ребенка «фефекты фиксации»

Знаю, что я не одна такая мама, которая стесняется, что ее ребенок не сказал вовремя положенное «агу» и не выдает каждую минуту словесные «перлы». И я уже устала от вопросов знакомых и незнакомых людей: «А что, ваша девочка не говорит? А почему? Мой Мишенька уже в годик стихи читал!» И таких детей, как моя дочь Сима, которые в положенном возрасте не умеют раскладывать по корзинкам фрукты отдельно от овощей, не узнают на картинке репу или сельдерей или не отличают малину от клубники, очень много. И дело совсем не в том, что мы с ними не занимаемся или, наоборот, чересчур опекаем, по одному движению бровки понимая, что хочет малыш. Дело в том, что все разные – и мамы, и дети. И диагноз «задержка речевого развития» можно с легкостью поставить не только детям, но и многим взрослым.

На самом деле это очень тяжело и страшно до обморока. Твой ребенок, такой умненький, такой талантливый, оказывается «за пределами нормы». А «норма» – это очень важно при приеме в детский сад и поступлении в школу. Когда моему сыну было шесть лет, школьный психолог поставила ему диагноз «аутизм». Да, потом мы все выяснили, еще раз прошли собеседование, но я неделю жила с этим диагнозом, глядя в сына – а вдруг и правда я в этом виновата: недосмотрела? При этом есть бабушка, которая звонит и кричит, что ребенок – гений, а мы его не понимаем. И нужно отдать внука ей, а уж она его воспитает так, как надо. Есть врачи, психологи, которые «работают» с родителями и с ходу ставят диагнозы уже мне, маме. Я давно выучила наизусть все тестовые задания, знаю прекрасно, что означают цвета в пресловутой лягушке, которую нужно раскрасить, как нужно нарисовать несуществующее животное, чтобы не перепугать психолога, и какие цвета выбрать, чтобы показаться уравновешенной, милой, открытой женщиной. И про домики я все знаю. И про символы. Но я – взрослый человек. А ребенок...

Мамы сходят с ума. По-настоящему. Кидаются к неврологам, психотерапевтам, логопедом, дефектологам. Папы, как правило, более сдержанны, но даже у них проскальзывает: «Почему мой ребенок не такой, как все? Ты за ним плохо следила?» Вытравить это невозможно. И тут тоже все находится по разные стороны баррикад. Логопеды на форумах делятся историями о сумасшедших мамашах, которые не понимают очевидных вещей, а мамы в последних потугах, в истерике доказывают, что их самих и детей просто неправильно поняли, не услышали. Что дети сейчас другие, не такие, как даже пять лет назад. Они по-иному развиваются, иначе выражают эмоции, не могут усидеть на месте. Подключаются бабушки, которые дружным хором утверждают, что в их годы таких проблем у детей не было. Дети, то есть мы, нынешние родители, агукали, когда положено, бойко опознавали времена года, с выражением читали стихи, танцевали на детских утренниках, социализировались с пеленок, а обращение к логопеду считалось чуть ли не признаком слабоумия и тщательно скрывалось.

Я знаю только одно – нужно верить в то, что твой ребенок – лучший, самый талантливый, самый умный. Только так.

– Она у вас умеет сортировать фрукты и овощи? – спросила женщина-дефектолог, раскладывая на столе две нарисованные корзины и гору карточек. – Ну, Сима, что это? А мама знает, что это?

– Огурец?

– Мама, ну, какой же это огурец! Это же цукини! – удивилась дефектолог. – Ладно, думаю, репу от свеклы вы не отличите.

– Вряд ли, – согласилась я.

– А как у вас с животными? Домашних и диких сортируете? Детенышей называете?

Я находилась в полубреду, вспоминая, как восемь лет назад уже сидела за этим же самым столом с такой же горой карточек. Только тогда на дефектолога задумчиво смотрел сын, а не дочь. Каждый день я как полоумная учила с ним этих детенышей: у собаки – щенок, у кошки – котенок, у овцы – ягненок...

Восемь лет назад я так же, как и сейчас, скрежетала зубами, когда мне рассказывали анекдот про мальчика, который долго молчал, а потом вдруг спросил, почему бифштекс непрожаренный. И не было у меня милых и дорогих сердцу фраз и слов, которые умилительно бы коверкал мой трехлетний сын. Я не помню, что он сказал сначала – «мама» или «папа». Зато помню его первую фразу: «Ну и где, б..., эта Светка?» Я опешила, потому что никакой Светки у нас в помине не было. После разговора с бабушкой, у которой внук провел две недели в деревне, выяснилось, что так звали девушку, которая водила сына на речку – бабушка не выдерживала жару. Света все время опаздывала, и бабушка ждала ее прихода именно с этим возгласом. Сыну сейчас почти тринадцать, и он за словом в карман не лезет, как и все подростки.

Теперь у меня подрастает дочь, которая наотрез отказывается говорить. Впрочем, достаточно рано она сказала два слова: «отдай» и «надо», – и решила, что для жизни ей вполне достаточно.

– Ничего, зато она ходит на балет, потом отдадим ее на шахматы или на рисование, – успокаивает меня муж. – Там говорить не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.